

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Международный «круглый стол» «Сарматы в I в. н.э.: новейшие открытия»

© 2001 г.

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ДИСКУССИИ «САРМАТЫ В I в. н.э.: НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ»

1. *Х. фон Галль. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики. Истоки и восприятие одного иранского мотива в южной России. ВДИ. 1997. № 2. С. 174–197.* Первая часть статьи посвящена анализу сцены поединка всадников на круглодонном кубке из Косики, которая рассматривается автором в контексте главным образом парфянских и сасанидских художественных памятников. «Важным критерием для датировки сосуда из Косики, – пишет Х. фон Галль, – служит фронтальный разворот лица нападающего главного персонажа...». Хотя автор отмечает возможность использования фронтального ракурса «и для позднего I в. н.э.», он тем не менее датирует сосуд из Косики сначала III, а чуть ниже – II–III вв. н.э., не представив сколько-нибудь развернутую аргументацию и ограничившись лишь следующим заключением: «До тех пор, пока мы не получили более продуктивных аналогий для развития искусства в южной России и вынуждены опираться прежде всего на параллельные феномены в сасанидском Иране, по всей видимости, должно быть рекомендовано датировать изображение на вазе из Косики II–III вв. н.э.». Вызывает удивление методика автора. Можно ли на основании анализа одной сцены, причем анализа несомненно одностороннего, без широкого привлечения имеющихся изобразительных памятников сарматского круга из Северного Причерноморья и Средней Азии, датировать сосуд, несущий на себе несколько сцен, да к тому же датировать без анализа его формы, без анализа богатейшего контекста находки? Заметим, что эти аспекты достаточно подробно рассмотрены в статьях В.В. Дворниченко и Г.А. Федорова-Давыдова и моей¹. Нет необходимости повторять все аргументы в пользу более ранней датировки, высказанные нами. Приведу лишь один пример, касающийся детали, характерной для всех сцен на круглодонном сосуде, а именно изображения пропеллеровидных псалий, которые никак не позволяют датировать ни сцену поединка всадников, ни сам сосуд II–III вв. Параллели таким псалиям известны в Айхануме, Сиркапе и на пластине из Орлатского могильника, тогда как парфянские и сасанидские псалии имели другую форму². Вне зависимости от исторической интерпретации комплекса из Косики, от того, можно ли его связывать с событиями в Закавказье 30-х годов I в. н.э., вряд ли есть основания, с

---

¹ Дворниченко В.В., Федорова-Давыдова Г.А. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика // ВДИ. 1993. № 3. С. 141–179; Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики. К вопросу о школе Амсалака // ВДИ. 1994. № 1. С. 172–203.

² Трейстер. Ук. соч. С. 189 сл.

чем соглашается и М.Б. Шукин³, относить его ко времени позднее середины I в. н.э. Удивительно другое. Х. фон Галль дает лишь глухую ссылку на статьи Дворниченко – Федорова-Давыдова и Трейстера, но абсолютно не пытается полемизировать с предложенной датировкой погребения у с. Косики в рамках середины I в. н.э. Вряд ли такой метод ведения дискуссии можно считать рациональным.

2. А.С. Скрипкин. *К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры*. ВДИ. 1996. № 1. Автор пишет: «Не отрицая наличия у сарматов ремесла, я не могу поддержать мнение М.Ю. Трейстера о существовании у них мастерских, изготовлявших высокохудожественные произведения торевтики...» (с. 167). Точка зрения автора базируется на априорном отрицании возможности существования таких мастерских и традиционной интерпретации высокохудожественных изделий как импорта. Позволю себе вкратце повторить аргументы, которые А.С. Скрипкиным не были ни проанализированы, ни соответственно опровергнуты. Имя мастера, изготовившего один из сосудов, найденных в Косике, – Ампсалак, о чем свидетельствует пуансонная надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΘΕΟΥΖΟΥ κατ. ΑΜΨΑΛΑΚΟΣ ΕΠΟΙΗΣΕΝ⁴, несомненно сарматское, оно «фиксируется исключительно на широком пространстве сарматских южнорусских степей от Дона до Буга с начала христианской эры до первой трети III в.»⁵. Ю.Г. Виноградов видит «в Ампсалаке косикской надписи сарматского мастера-торевта, изготовившего и/или украсившего серебряные сосуды сервиза»⁶. Впрочем, предположение о том, что Ампсалак мог лишь украсить гравированными изображениями сосуды, изготовленные другим мастером, кажется мне маловероятным, во всяком случае какие-либо аргументы в его пользу отсутствуют. О том, что Ампсалак вряд ли изготовил лишь один из найденных в Косике сосудов, свидетельствует как единая техника изготовления и декора сосудов, так и близость сюжетов украшающих их изображений. Характерно, что имеется еще несколько сосудов из Нижнего Подонья, примыкающих к этой группе. Обратим внимание на то, что формы сосудов известны как в античной торевтике (миска со свободно вращающейся ручкой с атташем в виде пальметты; пиксида), так и в кочевнической среде (круглодонный сосуд из Косики, кувшин из Высочино)⁷. Несомненно, что сложение условно выделенной мною «школы Ампсалака» могло произойти в контактной зоне, где могли соединиться традиции центров торевтики селевкидского и парфянского круга (золочение отдельных деталей сосудов) с живыми наблюдениями сарматского мастера (мотивы, детали: псалии, наконечники стрел, костюм и т.п., характерные для Центральной Азии). Вероятность того, что это могло произойти в Закавказье в 30-е годы первого столетия, весьма высока. Я, безусловно, не преувеличиваю масштабы такого производства, отмечая, что мастерские, подобные мастерской Ампсалака, скорее всего существовали при ставках сарматских царей. Есть основания полагать, что Ампсалак был не первым сарматским торевтом, так ярко объединившим в своем творчестве сюжеты, мотивы, детали и стили столь разных культур. О сарматской торевтике можно говорить по крайней мере с конца II в. до н.э.⁸ В качестве примера можно привести фалар из ст. Северской (рис. 1), основное поле которого содержит комбинацию двух различных сюжетов, заимствованных из греческой мифологии⁹. Один из

³ Шукин М.Б. Две реплики: о Фарзое и надписи из Мангупа, о царе Артавасде и погребении в Косике // ВДИ. 1995. № 4. С. 179.

⁴ Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 156–158. Рис. 1–2.

⁵ Там же. С. 158.

⁶ Там же.

⁷ Трейстер. Ук. соч. С. 172 сл.

⁸ Эти проблемы подробно разбираются в специальной статье: Treister M.Y. Some Classical Subjects on the Late Hellenistic Sarmatian Phalerae (to the Origin of Phalerae) // Ancient Greeks. West and East (Ed.G. Tsetskhladze). Leiden, Boston, Köln, 1999. P. 565–604. Здесь же ограничусь небольшим экскурсом.

⁹ Спицын А.А. Фалары Южной России // ИАК. 1909. 29. С. 25. Рис. 41; Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 136 f. Pl. 27. 4; Ростолицева М.И. Сарматские и индо-скифские древности // Сб.

этих сюжетов был известен в сарматской среде по крайней мере на столетие раньше, на прометопидии из Федулово, вероятно, изготовленном в боспорской мастерской¹⁰ (рис. 2). Сюжет с Дионисом на пантере также был распространен в сарматской среде, о чем свидетельствует фалар из Таганрога, находившийся в коллекции Романовича в Ростове-на-Дону¹¹. Использование этого сюжета в более позднюю эпоху подтверждает находка латунных фаларов в погребении 9 некрополя Цемдолины под Новороссийском (начало I в. н.э.)¹², сюжет и композиция которых находят прототип на рельефных медальонах апулийских гуттов III в. до н.э.¹³ Мое внимание привлекло обрамление рассмотренной сцены на фаларе из Северской в виде виноградной лозы, находящее ближайшую параллель на медальоне серебряной чаши из собрания Музея Гетти и Калифорнии (рис. 3), предположительно изготовленной в восточной мастерской в пределах селевкидской сферы влияния не ранее конца II в. до н.э.¹⁴ С трудом различимый прототип одного из элементов оправы фалара из Северской – пальметта в виде двойного цветка лотоса – довольно обычная деталь античных золотых ожерелий IV в. до н.э.¹⁵ Таким образом, мастер объединил в композиции два различных сюжета в сочетании с элементом обрамления – виноградной лозой – современного селевкидского типа и деталями (пальметты), восходящими к античным прототипам IV в. до н.э. Важны трактовки некоторых деталей костюма. Так, и Дионис, и Афина подпоясаны довольно широкими поясами, украшенными фризами круглых бляшек, – признак, абсолютно невозможный для прототипа, неизвестный в современном сарматском костюме¹⁶, или в более раннем костюме Ирана и Средней Азии V–IV вв. до н.э.¹⁷ Однако мы встречаем подобные украшения в искусстве Кушан на фрагментированной

ст. в честь Н.П. Кондакова. Прага, 1926. С. 247 сл. Табл. 25 = ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева (Петербургский археологический вестник. № 5). СПб., 1993. С. 42. Табл. 4; *Ebert M. Südrubland // Reallexikon der Vorgeschichte. Bd13. B., 1929. S. 110. Taf. 41 C.b.; Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953. С. 32–37. Табл. 8; Hartatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians (Acta Antiqua et Archaeologica, V. 13). Szeged, 1970. P. 35; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 185. Рис. на с. 176, 188–189; Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections. Malibu, 1993. P. 9. 70. Not. 21.*

¹⁰ Спицын. Ук. соч. Рис. 43; Засецкая И.П. О назначении предметов Федуловского клада // АСГЭ. 1966. Вып. 7. С. 31 сл. Рис. 5; Античное серебро. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. Л., 1985. № 35; *Treister M.Y. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of Pontus // New Studies on the Black sea Littoral (Colloquia Pontica. 1) / Ed. G. Tsetschladze. Oxf., 1996. P. 107. Fig. 29.*

¹¹ Ростовцев. Ук. соч. (ΣΚΥΘΙΚΑ. С. 42).

¹² Мальшев А.А., Трейстер М.Ю. Погребение зубовско-воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // Боспорский сборник. 1994. Вып. 5. С. 63 сл. Рис. 5; 6, 1; *Malyshev A., Treister M. A Warrior's Burial from the Asiatic Bosphorus in the Augustan Age // Expedition. 1994. V. 36. № 2–3. P. 32. Fig. 3; iidem. Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdvizenski-Kreises aus der Umgebung von Noworossisk // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1994. Bd 59. S. 47. Abb. 6–8; S. 49–52. № 4. Taf. 3.*

¹³ *Jentel M.-O. Les gutti et les askoi à reliefs étrusques et apuliens. Essai de classification et de typologie. Leiden, 1976. P. 43. Pl. 7, 15; Malyshev, Treister. Eine Bestattung... S. 51.*

¹⁴ *Pfrommer. Op. cit. P. 66. № 127.*

¹⁵ Из Нимфея, ок. 400 г. до н.э. (*Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Oxf., 1979. P. 41 f. Pl. XI a–b; упомянуто: Williams D., Ogden J. Greek Gold. Jewelry of the Cassical World. N.Y., 1994. P. 153; Пантикапея, ок. 400–380 гг. до н.э. (Miller S. Two Groups of Thessalian Gold. Berkeley – Los Angeles, 1979. P. 11. Pl. 5c; Williams, Ogden. Op. cit. № 94; Темир-Горы, ок. 400–375 гг. до н.э. (Miller. Op. cit. P. 11. Pl. 5a); Омолиона, вторая половина IV в. до н.э. (Miller. Op. cit. P. 10 f. pl. 4a, e; Williams, Ogden. Op. cit. P. 153); Тарента, ок. 350–330 гг. до н.э. (Miller. Op. cit. P. 11. Pl. 5b; Williams, Ogden. Op. cit. № 135); кургана Огуз, ок. 330–310 гг. до н.э. (Botrick J.V., Fialko E.E. Der Ogus-Kurgan. Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Atheas // Beiträge zur Archäologie im nördlichen Schwarzmeerraum (Hamburger Beiträge zur Archäologie. Bd 18). Mainz, 1996. S. 128. Taf. 11, 13); Капародеуашха, ок. 325–300 гг. до н.э. (Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen. Praga, 1970. Abb. 319; Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad, 1986. Fig. 254; Анфимов. Ук. соч. Рис. на с. 160–161; Tesori d'Eurasia. 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica. Milano, 1987. № 102).*

¹⁶ Любезная консультация С.А. Яценко.

¹⁷ Горелик М.В. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 1. Фалар из кургана у ст. Северной. Гос. Исторический музей. Москва.

Рис. 2. Прометопидий из Федуловского клада. Гос. Эрмитаж. Ст.-Петербург. Инв. 2214/12. Фото Гос. Эрмитажа.

Рис. 3. Медальон блюда. Коллекция Музея Гетти, Лос Анджелес, Калифорния. 83. Am 389 (дм. тондо 10.4 см). Фото Музея Дж. Пола Гетти.

статуе кушанского правителя из Сурх Котала¹⁸, на фигуре Бодтисатвы из буддистского святилища в Дальверзин-тепе II–III вв. н.э.¹⁹, как, впрочем, и на композиции

¹⁸ Schlumberger D. L'Orient hellénisé. L'art grec et ses héritiers dans l'Asie. P., 1970. Fig. 56; Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979. С. 116, 124. Рис. 134; Kunst Mittelasiens in der Zeit von Alexander d. Gr. bis zum Islam. Zürich, 1989. S. 53.

¹⁹ Turgunov B.A. Excavations of a Buddhist Temple at Dal'verzin-tepe // East and West. 1992. 42. P. 146. Fig. 9; Пугаченкова Г.А. The Antiquities of Transoxiana in the Light of Investigations in Uzbekistan (1985–1990) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1995. V. 2. № 1. P. 29–31. Fig. 13.

зофора дворца в Халчаяне²⁰. Абсолютно аналогичная орнаментация поясов наблюдается на фигурах большого рельефа III в. н.э. со сценой сражения из Танг-е Аб у Фирузабада²¹, как и на фигурах всадников на сасанидском серебре, хотя у последних пояса, как правило, имеют по две пряжки в центре²², восходящие к парфянским прототипам I–II вв.²³, на голове Диониса имеются две круглые бляхи – очевидно, они трансформировались из цветочных розетт, часто украшающих прическу бога виноделия²⁴. Фигура обнаженного гиганта обвита змеей, которая пытается ужалить его в грудь. Передняя часть тела пантеры и скала, на которой лежит голова, украшены листьями. Мастер, изготовивший фалар, имеет весьма отдаленное представление как о перспективе, так и строении фигуры человека или зверя, как, впрочем, и о значении некоторых атрибутов. Так, например, Дионис держит тирс шишкой вниз, как будто бы пытаясь ударить лежащую внизу голову – это не имеет ничего общего с композицией прототипа (Дионис на пантере)²⁵. Как следует относиться к проблеме авторства этого произведения в свете тезиса А.С. Скрипкина? Из приведенного выше анализа совершенно очевидно – невозможно предположить, что северский фалар был изготовлен в одном из северопричерноморских центров, пусть даже не чистокровным греком. Ранее высказывались точки зрения об изготовлении северского фалара в Средней Азии – или эллинизированными парфянскими мастерами, или торевтами, жившими на территории Греко-Бактрии, после ее завоевания юэджамии ок. 130 г. до н.э. (К.Ф. Смирнов)²⁶. Эту точку зрения разделяли Ю.М. Десятчиков, Н.В. Анфимов, тогда как С.А. Яценко и М.Б. Щукин считают фалар образцом бактрийской работы²⁷. Впрочем, И. Маразов связывает северный фалар с изделиями, имеющими балканские корни, имея в виду фалар из Старой Загоры²⁸. Стиль изображений на северном фаларе, зачастую очень наивный и примитивный, и техника украшения поверхности частым точечным орнаментом находят параллель на фаларе с изображением Геракла, борющегося с немейским львом из Старой Загоры²⁹, и еще на двух подобных фаларах: на происходящем из Малой Азии (хранится в Национальной библиотеке в Париже)³⁰ и найденном в Нидерландах (хранится в Лейдене)³¹. Надпись на фаларе из Национальной библиотеки с

²⁰ Пузаченкова. Ук. соч. С. 90. Рис. 103.

²¹ Gall H.von. Das Reiterkampf bild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit // Teheraner Forschungen. Bd VI. В., 1990. S. 20–30. Abb. 3.

²² См., к примеру, изображения Шапура II, ок. 310–320 гг.: Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Коллекция Гос. Эрмитажа. Л., 1987. № 2. Рис. 6–7; Шапура III: Тревер, Луконин. Ук. соч. № 4. Рис. 10–11; Ваохрана, ок. 390–420 гг.: Тревер, Луконин. Ук. соч. № 7. Рис. 14–15; Хосрова II: Тревер, Луконин. Ук. соч. № 9. Рис. 18–19.

²³ Post A. Parthische Gürtelschnallen aus Uran // Boreas. 1995. Ht 18. S. 247–254.

²⁴ См. подобные розетты, например, на эллинистических или раннеимперских бронзовых бюстах Силена, Диониса: Barr-Shayrar B. The Hellenistic and early Imperial Decorative Bust. Mainz, 1987. С. 1–49. Pl.1–15; С. 79–94. Pl. 26–30; на фаларе с бюстом Диониса из окрестностей Душанбе: Kunst Mittelasiens. № 26; атташе в виде головы сатира ручки кувшина I в. до н.э.: Oliver A.Jr. Silver for the Gods: 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo, 1977. № 74.

²⁵ См., например, мозаику II в. до н.э. с Делоса: Gaspari C. Dionysos // LIMC. III. № 434.

²⁶ Смирнов. Ук. соч. С. 34–37.

²⁷ Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4. С. 78; Анфимов. Ук. соч. С. 185; Яценко С.А. Антропоморфные образы сарматов // Аланы и Кавказ (Alanica-II). Владикавказ, 1992; Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 145.

²⁸ Маразов И. Ськровището от Якимово. София, 1979. С. 64–65.

²⁹ Gold der Thraker. Archäologische Schätze aus Bulgarien. Mainz, 1979. № 426; Маразов. Ук. соч. С. 64. Рис. 39; Kaul F., Marazov I., Best J., De Vries N. Thracian Tales on the Gundestrup Cauldron. Amsterdam, 1991. P. 17. Fig. 11; Kaul F. The Gundestrup Cauldron Reconsidered // Acta Archaeologica. 1995. 66. P. 6, 14. Fig. 14.

³⁰ Drexel. Op. cit. S. 13–14. Abb. 7; Rostovtzeff. Op. cit. Pl. 27, 1–2; Klindt-Jensen O. Gundestrupkedelen. København, 1961. Fig. 24, 53; Ghirshman R. Iran: Parthian and Sasaniden. München, 1962. S. 260. Abb. 337; Megaw J.V.S. Art of the European Iron Age. A Study of Elusive Image. Bath, 1970. P. 135; Щукин. На рубеже эр. С. 145; Pfrommer. Op. cit. P. 70 f. Not. 25.

³¹ Drexel Fr. Über den Silberkessel von Gundestrup // JDAI. 1915. XXX. S. 12, 14. Abb. 6; Rostovtzeff. Op. cit. P. 136. Pl. 27, 3; Ростовцев. Ук. соч. С. 245; Pfrommer. Op. cit. P. 71. Not. 25.

именем Митридата Евпатора³² дала основание некоторым исследователям предположить, что эта группа фаларов изготовлена в Малой Азии³³ или во Фракии³⁴. Однако сравнение этой группы фаларов с двумя фаларами из так называемого Клада I, приобретенного Музеем Гетти³⁵, свидетельствует скорее об изготовлении фаларов этой группы, – которая характеризуется узким валиком по краю, точечным орнаментом, позолотой всей поверхности и довольно примитивными, наивными изображениями. – в раннепарфяньских мастерских, находившихся под влиянием селевкидского искусства и расположенных, вероятнее всего, в Северо-Западном Иране. Хотя, скорее всего, фалары с тремя петлями имеют греко-бактрийское происхождение, но их довольно скоро стали изготавливать и в Парфии³⁶. Вторичное использование позднеахеменидских серебряных блюд в качестве фаларов сарматами уже в III в. до н.э.³⁷ свидетельствует об их потребности в изделиях этой категории. Возможно, они заказали или захватили некоторые фалары еще накануне развала Греко-Бактрии, в эпоху правления Евкратиды. Однако наиболее значителен был выпуск фаларов в парфяньских мастерских, в которых большинство таких изделий было произведено примерно в середине или в третьей четверти II в. до н.э., возможно, при Митридате I (171–138 гг. до н.э.), его сыне Фраате II (138–128/7 гг. до н.э.) или его преемнике Артабане I (128/7–123 гг. до н.э.) (последние погибли в борьбе с номадами). В довольно скором времени эти фалары находились уже в степях Северного Причерноморья и даже в Крыму, где роксоланы встретились с войсками Диофанта. Два таких фалара, захваченных, возможно, около 100 г. до н.э. в качестве трофеев у побежденных сарматов, были посвящены в святилище Артемиды Таврополы в Комане Понтийской³⁸. С продвижением сарматов на запад некоторые фалары, изготовленные в Парфии, попадают на территорию Северо-Западного и Западного Причерноморья. Нет сомнения, что фалары парфяньского производства вызвали подражание среди сарматов, которые расселились в Прикубанье. Наиболее вероятно, как показал анализ сюжета, деталей композиции, стиля изображений и техники исполнения фалара из Северной, эти имитации были изготовлены именно сарматскими мастерами в Северном Причерноморье, скорее всего в Прикубанье, в конце II в. до н.э. Безусловно, нелегко расставаться с аксиомами, господствовавшими десятилетиями в науке, однако на современном ее уровне необходимо опираться на постоянно расширяющуюся базу источников и использовать все возможности их комплексного анализа.

М.Ю. Трейстер

ПРИЛОЖЕНИЕ

³² Drexel. Op. cit. S. 14–15. Abb. 7; cf.: Rostovtzeff. Op. cit. P. 136 f.; Посмонов. Ук. соч. С. 245, 257.

³³ Drexel. Op. cit. S. 17.

³⁴ Маразов. Ук. соч. С. 62. сл.; Kaul. Op. cit. P. 14.

³⁵ Pfrommer. Op. cit. № 32–33.

³⁶ См. подробнее: Treister. Some Classical Subjects...

³⁷ Морозинцева В.И. О вторичном использовании ахеменидских блюд из Прохоровского кургана // РА. 1996. № 2. С. 155–160.

³⁸ Вполне возможно, что фалары с посвящениями Митридата VI Евпатора происходят из храма Артемиды Таврополы в Комане (Drexel. Op. cit. S. 16–18; см. о святилище также Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 116). Другой важный вопрос заключается в том, были ли эти фалары посвящены как военные трофеи (объем таких посвящений в храмах эллинистического времени увеличился по сравнению с предшествующим периодом; см., например, Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. V. II. P., 1950. P. 901–914), или как амуниция победителей (ср. Prichett W.K. The Greek State at War. V. III. Berkeley etc., 1979. P. 249 ff.; Treister M.Yu. The Role of Metals in Ancient Greek History. Leiden, 1996. P. 364 ff.); второй вариант в данном случае кажется маловероятным. Логично предположить, что фалары «парфяньского типа» были скорее всего захвачены войсками Митридата VI не у парфян, с которыми у Митридата были дружественные отношения в русле его антиримской политики (Sall. Hist. 6; Сапрыкин. Ук. соч. С. 194 сл., 200, 203), а скорее у сарматов, которые приобрели фалары за некоторое время до этого в Азии. В качестве возможного исторического контекста появления такого трофея можно рассматривать события в Крыму ок. 110 г. до н.э. (Шукин. На рубеже эр. С. 144; 109 г. до н.э.; Сапрыкин. Ук. соч. С. 132 сл.: 113–111/10 гг. до н.э.), когда роксоланы под предводительством царя Тасия, поддерживавшие скифского царя Палака в его походе на Херсонес, были разбиты военачальником Митридата VI Диофантом (Strabo. 7. 3.17).

NOTES ON THE DISCUSSION
«SARMATIANS IN THE 1st C. AD: RECENT DISCOVERIES»

M.Yu. Treister

Within the framework of the discussion on the Sarmatians in the 1st c. AD the author considers some statements of the papers by H. von Hall (VDI. 1977. № 2) and A.S. Skripkin (VDI. 1996. № 2). The author does not accept the dating of a vessel from Kosika (2–3 c. AD) suggested by von Hall. He also gives response to Skripkin's criticism of some of his conclusions (VDI. 1996. № 1. P. 172–203), and particularly of his admitting the possibility that works of toreutics could have been produced by Sarmatian artisans, which Skripkin denies.